

Сильной Дунай Иванович

Как во славном во городе во Киеве
Да у ласкового князя у Владимира,
Ласковой князь стольнокиевский
Завел-то он славный чес(т)ный пир,
Пригласил всех князей, всех бояринов,
Всех русских могучих богатырей,
Пригласил всех к себе на славный пир.
Все они к пиру съезжались,
Все они на пир прибирались.
Все на пиру угощались,
Все на пиру разгулялись,
Все на пиру принапились,
Сделались все в хмельном разуме.
Говорил тут князь стольнокиевской.
«Ай же вы, удалы добры молодчи,
Славныи могучи богатыри,
Вси-то вы типерь поженены,
Княгини за вас вси повыданы,
Один теперь я да молодечь холост есть –
Не знаете ли мни супротивныя,
Чтобы росту она была високого,
Станом была да становитая,
Личем была бы белешенька,
Бровы были бы черна соболя,
Очи были бы ясна сокола,
Умом сверста, волосом жёлта,
Волосом жёлта, голосом жалка?»
Вставал сильней Дунай Иванович,
Говорил тогда да таковы слова:
«Ай же ты, любимый князь наш Красно Солнышко,
Позвольте мне слово вымолвить:
Уж я знал бы вам супротивную,
Столько дálече-далèче за синим морем
Во том ли во царстве во неверном,
У того ли короля да Лихоимского

Есть-то дочь Апраксия Николаевна.

Она росту есть высокого,

Станом есть сановитая,

Личем есть белешенька,

Бровы у ей черна соболя,

Очи у ей ясна сокола,

Умом сверста, волосом жёлта».

Говорил тут князь стольнокиевской:

«Ай же ты, сильней Дунай Иванович,

Уж ты славной наш похвальной добрый молодечь,

Бери-ка ты силушки по надобью,

Без счету бери золотой казны,

Съезди-ка за славно, за сине море,

Не можешь ли сосватать супротивную».

Отвечал в ответ сильней Дунай Иванович:

«Дорогой ты князь наш, Красно Солнышко,

Мни не надобно вашей силушки по надобью,

Мни без счету не надо золотой казны, -

Уж вы дайте мни единого попарщика,

Супротив себя могучаго богатыря,

Уж вы дайте мни Добрынюшку Микитича -

У Добрынюшки есть силушка великая,

У Добрынюшки лошадушка звериная,

У нас силушка с Добрыней одинакая».

Садился к столу князь ко чес(т)ному,

Написал он письмо да грамотку,

Написал письмо, запечатывал,

Подавал Дунаюшку Иванову,

Говорил тут князь да таковы слова,

Говорил Дунаюшку Иванову:

«Ай же ты, сильной Дунай Иванович,

Как приедете во царство во неверное

Ко тому ли королю да на широкий двор,

Как придете в палату белокаменну,

Как вы явитесь во теремы высокие

Ко тому ли королю Лихоимскому -

Извольте подать ему письмо-грамотку,

Вели сейчас принять да распечатывать,

Читать при них прочитывать,

Читать эту грамотку всю с конца».
Становились тут удалы добры молодчи,
Становились на место на указанно,
Кресты полагали по-писаному,
Поклоны провели по-ученому
На все на три, на четыре на сторонушки,
Князю Владимиру вособину.
Выходили со терема высокого,
Проходили по палаты белокаменной,
По лестничам прошли – сами крестятся,
По дверям прошли – Богу молятся,
Выходили на дворы на широкие,
Не зашли в свои палаты белокаменны,
Не являлися во терема высокие,
Заходили во стойла лошадиныя,
Они брали тогда коней добрых.
Уздали, седлали коней добрых,
Полагали они войлоки мягкия,
На войлоки седельшки черкацкия,
Затягали затяженьки шелковыя,
Застегали пряжечки злаченныя,
Застежечки тянутся не сорвутся,
У их пряжечки от дождичка не ржавеют,
Садилась они на добрых коней,
Они брали в ручки плетки шелковыя,
Как видели молодчиков сядучи,
Да не видали с широка поля поедучи.
Не воротами проехали широкима –
Скочили через стены городовыя,
От их пошли поездки богатырския,
От коней пошли поступки лошадиныя,
В чистом полюшке пыль столбом стоит.
Отправились удалы добры молодчи
Далече-далече за синее море,
Во тое во царство во неверное,
Ко тому ли королю да Лихоимскому.
Продолжали много времени во дороженьке,
Наконец приехали молодчики
Во тое во царство Лихоимское,

Ко тому ли королю да на широкий двор.
Не воротами проехали широкима –
Скакали через стены городовая,
Слезали тут они да со добрых коней.
Говорил тут Дунаюшко Добрынюшке:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич,
Теперь ты ль пойдешь или мни иттить?»
Говорил Добрынюшка Никитинич:
«Уж ты сам пойдя, сильной Дунай Иванович,
Уж я буду по дворику похаживать».
Остался тут Добрынюшка Никитинич,
Отправился Дунаюшка Иванович.
Отправился в палату белокаменну, -
Пошел по палаты белокаменной,
Явился во высок терем,
Становился на место на указанно,
Кресты полагал по-писаному,
Поклоны провел по-ученому,
На все на три, на четыре сторонушки,
Королю ли Лихоимскому особенно.
«Уж вы здравствуйте, королевское величество».
Говорил король Лихоимское:
«Ты какой земли, ты какой орды?»
Отвечал сильной Дунай Иванович:
«Уж я сам со города со Киева,
К вам приехал я от князя от Владимира».
Подавал ему письмо да грамотку:
«Извольте принять письмо да грамотку,
Извольте брать письмо в той час распечатывать,
Извольте в сейчас все прочитывать».
Принимал король Лихоимское,
Садился ко столу ко чес(т)ному,
Сейчас это письмо распечатывал,
Читал в той час, прочитывал,
Прочитывал грамотку всю с конца,
Говорил своим слугам верным:
«Ай же вы мои, да слуги верная,
Берите ключи да золоченые,
Отмыкайте вы погреба глубкие,

Отпирайте-ка ледники холодныя,
Посадите-ка Дунаюшку Иванова.
Ни на долго посадите – да на тридцать лет –
Пускай-ка там Дунай нагуляется,
Ума-разума сиби набирается,
Так без доклада не приедет ко королю на двор,
Без спросу не зайдет во палатушку,
Без дологи не зайдет во высок терем».
Разгорелось у Дунаюшки сердеченько,
Расходилась вся сила богатырская,
Говорил он тогда да таковы слова:
«Я за тем ли вот теперь приехал к вам?»
Как здынул-то он свои ручки белыя
Выше своей младоей головушки,
Уж он хряснул во столики во чес(т)ныя –
Столы все в щепки тут сломалися,
Окошечки в стенах все покосилися,
Хрустальныи стекольчи прикололися,
Дубовы двери в стенах все заряжандали.
Король-то за печку обряжается,
Куньей шубонькой король да закрывается:
Говорил своим он слугам верным:
«Ай же вы, мои слуги верныя,
Берите-ка ключи да золоченыя,
Отмыкайте-ка ларчи окованыя,
Берите там цветныя платъица,
Одевайте-ка Апраксию Николаевну,
Отправимте ея да во замужес(т)во
Во славной во Киев град,
За славного князя за Владимира,
Уздайте, седлайте коня доброго».
Брали слуги его верныя,
Брали ключи да золоченыя,
Отмыкали ларчи да окованыя,
Брали там цветныя платъица,
Облачали Апраксию Николаевну,
Уздали седлали коня доброго,
Полагали они войлоки мягкие,
На войлочки седёлышки черкацкия,

Затягали затяженьки шелковыя,
Затягали пряжечьки злаченыя.
Затяженьки-то тянутся – не сорвутся,
Пряжечки от дождичка не ржавеют.
Скорешенько княгиню снаряжали тут,
Поскорее того отправляли (е)ю,
В скором времени с Апраксией прощались,
Они горькими слезами обливались,
Садил княгиню на добра коня.
Садилась удалы добры молодчи,
Садилась на своих да на коней добрых,
Выезжали со двора они широкого,
Вывозили княгиню посаженую,
Выезжали на широкую дороженьку,
Отправились далече за сине море.
Сустигла их тут темная ноченька,
Зае(з)жали они да на зеленый луг,
Слезали они да со добрых коней,
Опускали княгиню посаженную,
Затянули они флаки полотнянныя,
Коротали тут темную ноченьку.
По утрышку вставали молодчики,
Садил княгиню посаженную,
Садилась сами на добрых коней,
Выезжали на широкую дороженьку.
По дороженьке у воина проехано,
У лошадушки по щетки в землю ступано.
Говорил тут сильней Дунай Иванович:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич,
Поезжай-ка ты за сине море,
Вези один княгиню посаженную –
Я поеду теперича в чисто поле,
Знаю – есть в чистом поле наездничек,
Ищет себе поединщика,
Уж я воина убью, либо сам паду».
Они друг с дружкой тут прощались,
Они горькими слезами обливались.
Поехал тут Добрынюшка Никитинич
За славное поехал за сине море,

Во славной он поехал во Киев град,
Повез один княгиню посаженную,
А отправился Дунай да во чисто поле,
Подъезжает он ко чистому ко полюшку,
Ко тому ли ко широкому раздольицу,
Увидал-то Дунаюшко Иванович:
Ездит по чисту полю наездничек,
На добром-то коне по полю поскакивае(т),
Да булатною паличу помахивае(т),
Правой рукой паличу покидывал,
За облаки паличей захватывал,
Левой рукой паличу подхватывал,
В руках палича была девяносто пуд.
Увидал тот наездничек Дунаюшку –
Разгорелось у наездника сердечушко,
Расходилась вся сила богатырская.
Разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольицу
Друг к дружку на стрету стретаются,
Паличи до рук приломались –
Ни который ни которого смочи не мог.
Разгорелися ретивы их сердечушки,
Расходилась их сила богатырская,
Разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольицу,
Они друг дружку на стрету стретались,
Штыки у них до рук приломались –
Ни который ни которого смочи не мог.
Разгорелось ретиво их сердечушко,
Расходилась вся сила богатырская,
Разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольицу,
Друг дружку на стрету стретались,
Тут они пошли да на кулачный бой –
Сшиб-то Дунаюшка наездника,
Спустил его да о сыру землю,
Становился ему да на белую грудь,
Выдергал из ножней он острейной нож,
Хочет пластать груди белыя,

Ладит вынуть сердце с печенью –
Во плечи рука застоялася,
Не может пластать груди белыя,
Не может вынуть сердце с печенью.
Говорит сильней Дунай Иванович:
«Ты скажи-ка мни, да поведай-ка –
Какой земли ты, какой орды?»
«Ничего ты у меня больше не спрашивай,
Пластай скорее груди белыя,
Вынимай сердце с печенью».
Разгорелось у Дунаюшки сердечушко,
Расходилась вся сила богатырская,
Занес с плеча он острейной нож.
Хочет пластать груди белыя,
Хочет вынуть сердце с печенью –
Во плечи опять рука застоялася.
Говорит тут Дунаюшка наезднику:
«Скажи ты теперя мни, пожалуйста,
Какой же ты земли, ты какой орды
И какого ты есть роду-словия,
И какого ты есть отча-матери?»
Отвечает наконец наездничек:
«Когда стал ты много выпрашивать –
Стану наконец тебе высказывать:
Уж я есть со царства со неверного,
Уж я есть дочь короля Лихоимского,
Уж я есть Лизавета Николаевна;
Как ты не знаешь нашей великой победушки –
Как вчерашним Божиим денечком,
Как приехали русские богатыри,
Увезли мою сестрицу родимую,
Увезли мою Апраксию Николаевну,
Они замуж ли взяли, али в полон брали,
Во полон взяли может, иль обесчестили?»
Выходил тут сильней Дунай Иванович,
Выходил он со белых грудей,
Брал ее за белу руку,
Целовал ее в уста сахарныя.
«Ай же ты, Лизавета Николаевна,

Идешь ли за меня во замужество?»

Отвечала Лизавета Николаевна:

«Разве ты молодчик холост есть?

Ты какой земли, ты какой орды?»

«Уж я сам есть со города со Киева,
Славной воин, я сильней Дунай Иванович».

Садилась они тут на добрых коней,
Отправились они далече за сине море,

Приезжали во славной во Киев град,

Кончается пир у князя у Владимира,

Начинал пир сильней Дунай Иванович,

Вели они тут пир на весь мир.

Они жили-поживали с Лизаветушкой,

Выходили на балконы на высокия,

Говорила Лизавета Николаевна:

«Ай же ты, сильней Дунай Иванович,

Ты иди-ка теперя во чистое поле,

Положи-ка на головушку острейной нож,

На ножичек положи колечки золоченныя,

Я повыстрелю со стрелочки каленой –

Могу ли попасть в колечки золоченныя?»

Выходил сильней Дунай Иванович,

Выходил да во чистое поле,

Положил на головушку острейной нож,

На ножики – колечки золоченныя.

Повыстрелила со стрелочки каленой,

Попала Лизавета во колечки золоченныя.

Приходил тут сильней Дунай Иванович,

Приходил со чиста поля,

Говорил сильней Дунай Иванович:

«Ты иди теперь, Лизавета Николаевна,

Иди-ка ты теперь во чистое поле,

Положи-ка на головушку острейной нож,

На ножички колечки золоченныя,

Я повыстрелю тоже со стрелочки каленой –

Могу ли попасть в колечко золоченное?»

Говорила Лизавета Николаевна:

«Не попасть тебе – ты убьешь меня,

У тебя тое дело не бывалое».

Опять послал сильней Дунай Иванович.
«Не посылай меня, сильней Дунай Иванович,
Ты убьешь меня – не попасть тебе,
У меня во чреве есть два вьюнуша –
По коленкам ножки в серебре,
По локоточкам ручки в чистом в золоте,
Во лбе месяц – в том красно солнышко,
По косичкам пекут часты звездочки».
Не послушал сильней Дунай Иванович,
Услал Лизавету Николаевну,
Послал её во чистое поле,
Заплакала она горючьими слезми,
Выходила она во чистое поле,
Положила на головушку острейной нож,
На ножичек – колечко золоченное.
Повыстрелил Дунаюшка он стрелочки каленой,
Не мог попасть в колечко золоченное,
Угодил ей прямо во белую грудь,
Убил свою да молодую жену,
Погубил своих да дорогих детей.
Приходил он тут да во чистое поле –
Лежит Лизавета Николаевна,
Не было ея тогда во живности.
Выдергал со ножней он острейной нож,
Посмотрел во чреве Лизаветином,
Увидал там соих да дорогих детей –
Тогда были они тоже убитыя.
Разгорелось у Дунаюшки сердечушко,
Расходилась сила богатырская,
Он поставил тогда острейной нож,
Он тупым концем поставил во сыру землю,
Вострым концем себе во белую грудь,
Говорил тут сильней Дунай Иванович:
«Куда падает головушка Дунаева –
Протеки тут Дунай река,
Куда пала головка Лизаветина –
Протеки тут да речка Черная,
Водушка с водой не смешается...
Кончал тут Дунаюшка жизнь свою,

Протекла от него Дунай река,
Протекла поперек речка Черная,
Водушка с водой да не смешается.

Записана в 1901 г. от Н. С. Еремеевой, крестьянки д. Конды,
Петрозаводского уезда Великогубской волости. Н. С. Шайжин: «Олонецкий
фольклор». Петрозаводск, 1906 г.